

ПЬЕСА М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: 120 ЛЕТ В ДИНАМИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

А. Б. Удодов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 12 октября 2021 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности художественной структуры и процессы социально-эстетического функционирования пьесы «На дне» в большом историческом времени: понятие эстетической реальности произведений отечественной литературной классики представлено в феноменах системной самоорганизации на основе синергетического подхода

Ключевые слова: эстетическая реальность, художественная структура, литературная классика, общественное восприятие, феномены самоорганизации, синергетический подход.

Abstract: the article deals with the peculiarities of the artistic structure and the process of social and aesthetic functions of the play "At the Bottom" in the big historical time: the notion of the aesthetic reality of the works of art of the national literary classics is represented in the phenomena of systematic self organization on the basis of the synergy approach.

Keywords: aesthetic reality, artistic structure, national literary classic, public reception, phenomena of self organization, synergy approach.

«Необычайный успех», «поразительный успех», «огромный и вполне заслуженный успех», «баснословный успех», «грандиозный успех», «небывалый в истории русской литературы успех» [1, 41], — подобные оценки и выражения в газетных рецензиях и литературно-критических статьях создавали ведущий лейтмотив откликов на премьеру пьесы «На дне», состоявшуюся в Московском Художественном театре 18 декабря 1902 года. Стоит напомнить, что подобная реакция органично вписывалась в контекст общественного

восприятия М. Горького начала XX века, когда писатель стремительно обретал общероссийскую и европейскую известность, и моменты творческого триумфа воплощались в ярких формах социально-эстетического дискурса.

Фигура Горького оставалась одной из самых «заметных» для литературно-общественного восприятия всего XX столетия, где писателю принадлежит лидерство по самым разным параметрам: по уровню известности и славы в самом начале творческого пути; по степени «соцреалистической» канонизации в советскую эпоху; по ожесточенности споров о нем в «развенчаниях» и «реабилитациях» постсоветского периода... При всем этом одно уже ныне несомненно: личностно-творческий феномен Горького предстает по-своему знаковым для судеб отечественной культуры; и художественное наследие писателя — при всей неоднозначности и противоречивости его восприятия — принадлежит к корпусу русской литературной классики.

Среди критериев принадлежности к классическому наследию одним из наиболее весомых остается «жизнь в веках» [2] литературных произведений, их социально-эстетическое функционирование в большом историческом времени. При этом важным условием предстает *продуктивность* такого функционирования, где классика являет не просто художественно-эстетические ориентиры в виде неких застывших «образцов», но принадлежит, говоря словами Белинского о Пушкине, «к вечно живущим и движущимся явлениям, <...> продолжающим развиваться в сознании общества», где «каждая эпоха произносит о них свое суждение», но «ни одна и никогда не выскажет всего» [3, 555].

И следует констатировать, что на протяжении всего 120-летия своей «жизни» как артефакта искусства пьеса не имела аналогов в осмыслении горьковского художественного наследия — по степени неослабевающего внимания к произведению, количеству его сценических интерпретаций, разнообразию мнений и ожесточенности споров о нем. Немного найдется и в мировой драматургии пьес, которые можно было бы сопоставить в этом плане с «На дне».

В интенсивнейшей динамике общественного восприятия горьковского писательского феномена, в разноакцентности и изменчивости оценочных критериев и приоритетов рассмотрения, — «На дне» *устойчиво* оставалась в центре внимания горьковедения, критики и театра. По-своему показательны здесь и образовательные программы российской школы, где «На дне» в качестве одного из центральных произведений писателя присутствовала *всегда*

(соседствуя в разные времена с самыми различными иными «приоритетами» изучения — от «Матери» до «Несвоевременных мыслей»).

Тем самым именно пьеса «На дне» стабильно воплощает одну из «представительских» доминант по отношению к творческому наследию Горького. Поэтому по-своему закономерно, что обращение литературоведческой науки, критики, театра и образования к «На дне» порождало и порождает проблему осмысления горьковского писательского феномена в целом, его места и роли в истории русской литературы.

Все это укрупняет и нынешнее обращение к теме «жизни в веках» горьковской драмы. Насущная необходимость такого осмысления все явственнее ощущалась в горьковедении к концу XX столетия [4], [5]. В направлении, обозначавшемся тогда для дальнейшего научного поиска, просматривалась задача не просто расширения и уточнения аналитической базы таких материалов, но и их *систематизации*: выявления магистральных направлений в интерпретациях горьковской драмы, тенденций общественного восприятия в их синхронической и диахронической взаимосвязи, что позволило бы проникнуть в сущность неизменного текстового «инварианта» произведения на уровне художественной структуры и авторской позиции.

Результаты такого рода подхода позволили наблюдать прежде всего известную *регулярность* в смене акцентов при истолковании пьесы. При определении главного героя им провозглашался то Лука, то Сатин, то вновь Лука (иногда Клещ или Бубнов). Столь же регулярно менялись представления о близости этих героев в автору пьесы и, следовательно, об авторской позиции. Переменялись акценты и в выделении главного содержательно-смыслового плана произведения: социального, исторического, философского, нравственно-психологического. Такие настойчиво повторяющиеся разночтения, их синхронная и диахронная оппозиционность в динамике общественного восприятия, — все это подводило в выводу об особом принципе организации художественной структуры пьесы, ее текстовой первоосновы, как бы позволяющей акцентировать и аргументировать самые различные, порой прямо противоположные трактовки образно-смыслового содержания произведения. На этой основе была представлена концепция пьесы «На дне» как полифонической драмы (при известной коррекции положений М. М. Бахтина) — с ее принципиальным образно-структурным многоголосием, отсутствием «единодержавных» героев, системной диалогичностью авторской позиции, открытостью финала и «большого диалога» произведения для восприятия зрителем, читателем, исследователем [5, 45–98].

Как представляется, картина социально-эстетического функционирования горьковской драмы

в общественном восприятии и научном изучении уже XXI столетия по-своему объективно подтверждает вышеприведенные положения, — ибо *неизменной* остается *поляризация* точек зрения и подходов к этому произведению в работах, затрагивающих проблемы его образно-смыслового и структурно-жанрового своеобразия.

Здесь на одном из полюсов продолжают выступать защитники классической для советского литературоведения трактовки пьесы, сводимой к противопоставлению «подлинного» и «мнимого» гуманизма, к разоблачению утешительной лжи Луки Сатиним, устами которого говорит сам автор. Для других исследователей, так же оставляющих за Сатиним последнее и, по сути, авторское слово в качестве нового и единственного для Горького, такая новизна предстает, напротив, как девальвация писателем духовных ценностей на пути от «христоцентризма» к «антропоцентризму». В иных же работах прежде всего Лука как образно-смысловой центр пьесы представляет для исследователей особый интерес — в контексте достаточно категоричных заявлений о том, что «согласно современным интерпретациям пьесы «На дне», в центре ее оказывается не конфликтное противостояние Лука — Сатин, а синтез эволюционной триады: язычество — христианство — новая философия Человека» [6, 22].

Стоит по этому поводу заметить, что трактовки, обозначенные выше как «современные», бытовали к критике ещё в начале XX столетия [1, 51–69]. С другой стороны, достаточно неожиданными выглядят порой новейшие «предположения», например, о том, что именно старец Лука, воплотивший идеи и ценности «христианизированного толстовства», является истинным убийцей содержателя ночлежки Костылева [6, 25–26].

При всей спорности подобного рода положений на фоне устойчивого разброса мнений о ценностных приоритетах и образной персонификации авторской позиции, неоднозначности ее интерпретаций и оценок в сегодняшнем горьковедении, — стоит особо подчеркнуть процесс интенсивного *расширения* исследовательского поля зрения в последние годы, нахождения и актуализации «непривычных» аспектов рассмотрения горьковской драмы. При сосуществовании с традиционными подходами такая тенденция все более увеличивает смысловую амплитуду между различными точками зрения. Таким образом, «жизнь» пьесы «На дне» как произведения литературной классики имеет явную и неослабевающую тенденцию к интенсификации. Немаловажно отметить, что это отражает и определенные общие закономерности в литературно-общественном восприятии Горького на современном этапе.

Говоря об истоках исторически устойчивой репрезентативности горьковской пьесы по отношению к наследию писателя в целом, отметим, что «На

дне» — одна из важнейших вех на творческом пути художника, знаменующая переход от «раннего Горького» к Горькому «зрелому». Показательно, что именно с постановкой первых своих пьес писатель стремительно обретал громкую всероссийскую и мировую славу. То, что «На дне» определенным образом венчала предшествующее творчество Горького, признавалось и им самим. Но это было не просто «итогом... почти двадцатилетних наблюдений над миром «бывших людей» [7, 423]. Изображение этого мира уже и ранее неоднократно выступало для писателя в качестве определенного художнического инструмента — своеобразной «линзы», позволявшей увидеть в индивидуальном — при стертости социально-ролевого — остатки или, напротив, зачатки родового, общечеловеческого начала.

Диалогическое соотнесение насущного бытия и «праведной земли» тяготеет в пьесе «На дне» к формам самого широкого обобщения — как взаимодействие «жизни» и «духа». Здесь актуализировалась творческая формула, обозначенная для себя Горьким в самом начале писательского пути (1892), — призванность к «одухотворению жизни», — что отражало магистральный *смыслопоисковый* вектор направленности национального самосознания и отечественной литературы.

Таким образом, есть основания полагать, что в пьесе «На дне» автором достаточно осознанно предпринимались попытки своеобразной *фокусировки* своей художественной системы (собирающая ее «начал и концов», если использовать выражение Сатина из его монолога о человеке) — с последующим новым широким ее развертыванием на основе принципа всепроникающей диалогичности и ценностного полицентризма. Тем самым полифоническая драма «На дне» предстает интегрирующим центром личностно-творческих доминант писательского феномена Горького на рубеже XIX–XX столетий.

Вместе с тем пьеса «На дне» как литературно-художественный «артефакт» текстовой первоосновы произведения и как одно из явлений литературного процесса представляет особый тип *эстетической реальности* — по-своему *развивающейся системы*, где наращивание все новых смыслов в исторической динамике общественного восприятия образует особый *синергетический* эффект, выводящий литературное произведение как феномен культуры на качественно особый — *гиперпродуктивный* уровень социаль-

но-эстетического функционирования в диалогической парадигме.

Именно большое историческое время способно показать «внешнее» преобладание однозначных трактовок и определений, безапелляционных оценок и, казалось бы, конечных ответов. Вместе с тем сама их множественность, альтернативность, регулярная повторяемость высвечивает неуклонное расширение диалогической ауры в восприятии пьесы и в целом личностно-творческого феномена Горького, как бы задавшего в свое время некий алгоритм на будущее в самохарактеристике: «*мысли и чувства мои никогда не уравновесятся...*» (выделено нами. — А. У.) [8, 38].

В такой устойчивой неравновесности (трактуемой в русле синергетического подхода как источник жизнеспособности самоорганизующихся систем применительно и к литературному процессу) писательский феномен или отдельное произведение черпает энергию для «жизни в веках». Конечно, вспоминая вновь слова Белинского о Пушкине, и наша эпоха «не выскажет всего» о феномене Горького и его драме «На дне». Но очертить механизмы их аксиогенеза в горизонте отечественной и мировой культуры сегодня возможно и должно, — в свете насущных запросов современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиголов Г. М. Драматургия М. Горького 1902–1906 гг. в современной ей критике и публицистике / Г. М. Гиголов. — Тбилиси: изд-во Тбилисского ун-та, 1975. — 320 с.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. / В. Г. Белинский. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. IV. — 680 с.
3. См.: Литературные произведения в движении эпох. — М.: Наука, 1979. — 288 с.
4. Кузмичев И. К. «На дне» М. Горького: Судьба пьесы в жизни, на сцене и в критике / И. К. Кузмичев. — Горький: ГГУ, 1987. — 223 с.
5. Удодов А. Б. Пьеса М. Горького «На дне»: Художественная структура и авторская концепция человека / А. Б. Удодов. — Воронеж: ВГУ, 1989. — 184 с.
6. Богданова О. В. Образ старца Луки в пьесе М. Горького «На дне» / О. В. Богданова. — Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология, Журналистика. — 2016. — № 2. — С. 22–26.
7. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. / М. Горький. — М.: ГИХЛ, 1953. — Т. 24. — 589 с.
8. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. / М. Горький. — М.: ГИХЛ, 1954. — Т. 28. — 600 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Удодов А. Б., профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: kaf214@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
Udodov A. B., Professor of the Russian Language, Russian and Foreign Literature Department
E-mail: kaf214@yandex.ru